

УДК 281.93

**Андреева Елена Владимировна**

канд. ист. наук, доцент кафедры «Реклама»  
факультета социальной психологии  
Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)  
E-mail: lenaandreeva@e1.ru

**Andreeva Elena Vladimirovna**

Candidate of History, Associate Professor  
of Advertising Chair, Faculty of Social  
Psychology, Liberal Arts University – University  
for Humanities (Ekaterinburg)

**ХОЗЯЙСТВЕННАЯ  
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОНАСТЫРЕЙ  
ВОСТОЧНОГО УРАЛА  
И ЕЕ СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ**

**ECONOMIC ACTIVITIES  
OF EASTERN URAL  
MONASTERIES AND CONVENTS  
AND ITS IMPORTANCE**

**Аннотация**

Монастыри Восточного Урала первоначально, с XVII в., были в составе Пермской епархии. В качестве хозяйственного объекта управления Екатеринбургской епархии они известны с 1885 г. Быстрый рост монастырей происходил в XIX в.; после того как они стали общежительными, увеличились их земельная собственность и капитал. Но общероссийскую известность в начале XX в. получил только Верхотурский Николаевский мужской монастырь<sup>1</sup>, во многом благодаря паломничеству к святым мощам праведного Симеона.

**Ключевые слова:** община; монастырь; Синод; благочинный; Екатеринбургская епархия; архиерей; кружечный капитал; свечной сбор; паломничество.

**Abstract**

Monasteries of the Eastern Ural used to be a part of the Perm diocese. They became economic entities of Ekaterinburg diocese in 1885. Their rapid growth took place in the 19<sup>th</sup> century as they turned into places of community living, acquired greater land plots and capital. The only monastery that gained nationwide popularity at the beginning of the 20<sup>th</sup> century was St. Nikolas monastery in Verkhoturie thanks mainly to Righteous Gideon relics' pilgrimage.

**Keywords:** community; monastery; Synod; Devout; Ekaterinburg Diocese; archpriest; charity capital, candle fee; pilgrimage.

В наши дни необходимо учитывать преемственность влияния монастырей на жизнь общества, так как «формы социальных отношений в схематичных формах современной социально-экономической эволюции редуцируются, обедняются социально-функциональные возможности, происходит углубление дифференциации массового общества, нарастание темпа исторических изменений» [1. С. 24]. Кроме того, деятельность монастырей до 1917 г. дает конструктивный пример значения благотворительности и ее нравственно-формирующего характера.

Традиционно жизнедеятельность уральских обителей рассматривалась только с точки зрения популяризации их как мест религиозного поклонения и историко-культурных центров православия на Урале [2]. Значимость нравственно-хозяйственного аспекта деятельности монастырей как дореволюционными, так и современными исследованиями не была представлена. Функционирование монастырей раскрывается не только как духовное служение, но и как созидательная, предметно-практическая деятельность.

<sup>1</sup> Здесь и далее названия монастырей даны по: Полный православный богословский энциклопедический словарь : в 2 т. [Репринтное издание]. – СПб. : Изд-во П. П. Сойкина, б/г.

Монастыри в России были не только центрами духовности, они имели важное культурно-хозяйственное значение. Монастырям предписывалось «вести усовершенствованное хозяйство на монастырских угодьях, развивать деятельность через создание целого ряда предприятий для удовлетворения потребностей своего хозяйства, для продажи на сторону продуктов и изделий монастырского производства» [3. С. 27].

Высший надзор над хозяйством монастырей принадлежал Синоду. Он защищал интересы монастырей перед государственными учреждениями, охранял монастырское имущество как от насильственного захвата и расхищения посторонними для монастыря лицами, так и от злоупотреблений со стороны монастырского управления, содействовал правильному ведению хозяйства, издавая соответствующие законы.

Непосредственно управлением хозяйственной деятельностью в монастырях, состоящих в епархиальном ведомстве, занимались настоятели или настоятельницы с советом старшей братии или старших сестер, именуемом монастырским собором. Надзор за их деятельностью осуществляло епархиальное начальство, власть которого сосредоточивалась в консистории. Контроль и исполнение предписаний консистории епархиальное начальство осуществляло через благочинных.

По монастырскому хозяйству велась необходимая ежемесячная отчетность, которую представляли сначала монастырскому собору на одобрение, а затем включали в общую монастырскую отчетность. К определенному сроку совет составлял ежегодную смету доходов и расходов на предстоящий год и представлял ее на утверждение архиерею через Епархиальный монашеский совет.

Обычно консистория ежегодно требовала предоставлять сведения о приходе и расходе церковных сумм монастырями, так как суммы, оставшиеся от расходов, причисляли к капиталам обителей. Епархиальное начальство часто настаивало на своевременном обращении этих капиталов в кредитные билеты местного отделения государственной сберегательной кассы, с тем чтобы в дальнейшем по ним росли проценты и улучшалось благосостояние обители.

В консистории имелась подробная опись всего имущества монастырей, подобная была и в самих монастырях. Туда вписывали все существующие и поступающие в обитель вещи. Наличие вещей маловажных и «удобоповреждаемых» указывали в особом реестре.

Сами монашествующие не могли приобретать никакого имущества ни по договорам, ни по наследству. Им запрещалось удерживать за собой имущество, даже если оно было приобретено ими до вступления в монашество. Поэтому вступающий в это звание, из какого бы то ни было сословия, обязан был до пострижения отдать свое родовое имение законным наследникам, благоприобретенным имением должен был распорядиться в чью-либо пользу по своему усмотрению. Если он этого не делал, тогда имение в обоих случаях передавалось законным наследникам безвозмездно по распоряжению правительства [4].

По монастырской описи и реестру увольняемый настоятель сдавал имущество монастыря новому, а если тот еще не прибыл, то духовному лицу, назначенному от епархиального начальства через благочинного монастырей. Об этом подробно докладывали в консисторию с общими подписями сдающего и принимающего [5. С. 48].

После смерти настоятеля или настоятельницы общежительного монастыря все их имущество, даже если оно и не значилось по монастырским документам, признавалось собственностью обители. Только если монастырь был необщежительным, такое имущество передавалось наследникам; если же таковых не было, – то в пользу архиерейского дома [5. С. 49]. При описании имущества умершего настоятеля (настоятельницы) приглашали для освидетельствования полицию, чтобы все действия были сообразны закону.

Поскольку монастырь был не только молитвенной организацией, но и трудовым братством, за ним закреплялось право на обладание земельными угодьями. Земельные угодья у монастырей были двоякого рода: либо отведенные от казны по распоряжению Министерства государственных имуществ в определенной межевыми законами пропорции, либо принадлежащие этим духовным организациям «по прежним дачам или новейшим укреплениям» [6].

Законом 1857 г. специально устанавливался порядок принятия церковными структурами пожертвования в виде недвижимого имущества. В 1876 г. российским законодательством были утверждены неотчуждаемость земель монастырей и освобождение этих земель от поземельных сборов и местных повинностей. Законодательством был установлен предел размеров земельных владений в 60 десятин, хотя на практике он превышался. Стал действовать запрет на приобретение монастырями населенных имений [7. С. 106].

Донесения настоятелей и настоятельниц о нуждах уральских монастырей с середины XIX по начало XX в. подробно рассматривались и обсуждались в Духовной консистории. При этом если монастырь нуждался в пахотных землях или лесных участках, то консистория в первую очередь обращала внимание на то, сколько их на данный момент есть во владении обители, а потом – из каких дач казенного ведомства следовало отпускать эти земли. Если требовалось необходимое количество деревянных брусьев на строительство или ремонт монастырских зданий, то в донесении настоятелей указывалась точная смета расходов: на что, куда, зачем и в каком количестве нужны строительные материалы. В случае если консистория давала положительное заключение, то об этом сообщалось епархиальному архиерею для дальнейшего взаимодействия с местным управлением государственных имуществ. Когда консистория не разрешала выделить необходимые земельные угодья для обители (а иногда это происходило из-за установленных правил не отпускать сверх пропорций, определенных межевыми законами); или если она не смогла на ремонт или постройку найти бесплатно лес из казенных дач; либо если местное начальство государственных имуществ не хотело тому содействовать, – то монастырское начальство могло обратиться за разрешением этого вопроса в Синод.

Монастыри к 1917 г. стали крупными земельными собственниками. Часто собственность и земельные владения у монастырей появлялись с момента становления их в качестве общины. На 1915 г. все обители Екатеринбургской епархии владели землей в общей сложности площадью до 3524,3 десятины, из которых на долю мужских монастырей приходилось 578,5 дес., а на долю женских монастырей и общин – 2945,8 дес. Из них самыми крупными земельными собственниками на 1917 г. являлись женские монастыри: Ново-тихвинский (г. Екатеринбург) (720 дес.), Красносельский Введенский (415 дес.), Каслинский Казанский (354 дес.) [8. С. 4]. Самым крупным по численности монастырем оставался в 1885–1917 гг. Новотихвинский. На 1917 г. в нем проживали 982 насельницы, из них самое большое количество монашествующих по всей епархии – 136 человек.

Если провести аналогичное сравнение между мужскими монастырями Екатеринбургской епархии, то увидим следующее: самая крупная земельная собственность была у Верхотурского Николаевского монастыря – 272 дес., затем шел Далматовский Успенский – 176 дес., потом Кыртомский Крестовоздвиженский – 160 дес.

Земельные владения передавались монастырским обителям часто в качестве пожертвований за поминовение души, в дар на вечное хранение, в качестве завещания, а иногда приобретались самим монастырем. Как на приобретение любой недвижимой собственности, так и на ее продажу или аренду требовалось разрешение епархиального начальства, так как монастырская собственность была неделима и могла лишь приумножаться. Если настоятель и совет братии хотели передать

часть монастырского недвижимого имущества в оброчное или арендное содержание, то на это тоже требовалось одобрение от консистории, которая рассматривала законность и выгоду условий сделки или контракта.

С конца XIX в. епархиальное начальство предписало всем монастырям застраховать имущество по специальному тарифу, 15%-ная часть которого должна была отсылаться в пользу Екатеринбургской епархии. Позднее все монастыри должны были сообщать сведения о том, что они застраховали, в каком страховом обществе, во сколько оценивались строения и другое имущество, сколько оплачивалось страховой премией [9].

Описание этих источников дохода монастырей показывает нам, что труд братии на земельных участках не только сплачивал их как рабочий коллектив, но объединял их духовно как в радости, так и в горести.

Собственностью монастырей Восточного Урала являлись не только церковные храмы и иконно-книжные лавки, но и амбары, кладовые, братские корпуса, гостиницы, здания училищ и общежитий, оранжереи, больницы, сараи, конюшни, бани, кузницы и другие ремесленные мастерские. Многие из этих зданий в основном создавались и сооружались за счет средств самих обитателей. Поэтому только обеспеченные монастыри могли себе позволить иметь на своей территории несколько каменных храмов, многоэтажные братские корпуса и гостиницы для богомольцев, отдельно выстроенные для ремесленных мастерских здания и помещения. Благодаря страховым оценкам 1910 и 1912 гг., мы располагаем сведениями об имуществе во владении уральских монастырей. Больше всего церквей на территории обители было только у двух монастырей – Екатеринбургского женского (5 каменных церквей – Александро-Невская, Тихвинская, Введенская, Феодосиевская, Скорбященская) и Верхотурского мужского (4 церкви; из которых были 1 деревянная – Неофитовая и 3 каменные – Николаевская, Преображенская, Крестовоздвиженская). Поэтому эти обители были самыми состоятельными в Екатеринбургской епархии на начало XX в.

Поскольку заранее оговаривалась полная независимость общины от государственного обеспечения, то зачастую становление обители происходило за счет собственных трудов, приношений и вкладов родственников или благотворителей, а в дальнейшем за счет процентов с пожертвованных в их пользу капиталов и доходов от приобретенных и пожертвованных земельных владений.

Позднее к уже перечисленным источникам существования прибавлялась возможная, но не всегда предоставляемая материальная помощь государства, поскольку большинство общин Восточного Урала, преобразуясь в общежительные монастыри, оставалось на своем содержании. И в этом случае финансовая поддержка обителей государством являлась лишь актом доброй воли. Причем с 1893 г. правом на наделение землей от казны пользовались только монастыри, а не общины и не общежития [10].

На содержание штатных монастырей Екатеринбургской епархии с конца XIX в. из казны отпускали 2855 руб. 63 коп. в год, из них Верхотурскому Николаевскому мужскому монастырю 484 руб. 44 коп., Далматовскому Успенскому мужскому – 711 руб. 72 коп., екатеринбургскому Новотихвинскому женскому – 1659 руб. 47 коп. А в 1915 г. от казны монастыри получили только 2371 руб. 19 коп., так как перестали начислять средства верхотурскому монастырю. Остальные по-прежнему получали установленные для них суммы денег [11; 8].

В соответствии с состоянием монастырских капиталов епархиальное начальство решало вопросы улучшения внешнего вида обителей. В указе Синода от 10 февраля 1870 г. предписывалось «по постановлениям консистории предоставлять епархиальному начальству разрешение на обращение части доходов с церковных

оброчных статей на устройство церковных домов, на покупку церковью другого недвижимого имущества для постоянного из доходов с них обеспечения» [12].

Настоятелям с советом старшей братии разрешалось в некоторых случаях (например, на приобретение необходимых для обители богослужебных и поучительных книг, исправление церковной утвари, мелкий ремонт в монастырских церквях) употреблять в расход из монастырских экономических сумм единовременно до пятисот рублей. При этом не обязательно было спрашивать разрешения епархиального начальства, но об этом должен был знать благочинный. Исключением был ремонт в алтаре, из-за нарушения существенных частей которого требовалось благословение епархиального архиерея [5. С. 51].

Возведение церквей в монастырях происходило в основном за счет казны обители, на что требовалось согласие всей братии общежительного монастыря. По переписке настоятелей видно, что они были в курсе всех деталей строительства. Обычно в известность ставили епархиального архиерея, объясняя причины возведения нового здания церкви или необходимости ремонта ветхого церковного сооружения. По представленным рисункам от настоятеля монастыря епархиальное начальство давало разрешение на установление иконостаса в храме [13].

Наличие развитого монастырского хозяйства позволяло монастырю во многих случаях снизить стоимость стройматериалов. Так, при постройке Крестовоздвиженского собора верхотурского монастыря в 1905 г. кирпич изготавливали в собственных монастырских сараях. На место строительства его доставляли на монастырских лошадях, что существенно снижало его стоимость. Собственный гужевой транспорт использовался и для вывоза с реки Туры речного песка и гальки. Дешевле обходился и бутовый камень, так как монастырь арендовал в казенном лесничестве каменоломню. Лес и для строительства, и для обжига кирпича иноки скупали у окрестных жителей. Часть лесоматериалов заготовили в казенных дачах, в основном на льготных условиях. Известь крупным оптом приобретали в соседних волостях – Меркушинской и Топорковской [14].

С заметными затруднениями стали приобретать строительные материалы с 1908 г. В основном из-за неудовлетворительного урожая, выросли цены на продовольствие и стройматериалы. После того как наладилась работа Верхотурской ж/д, окрестности Верхотурья наполнились переселенцами, вместе с этим вздорожали рабочая сила и строительные материалы. А в 1910–1911 гг. монастырь уже не имел наличных средств, поэтому управление монастыря просило разрешения у епархиального начальства на продажу именных свидетельств 4 % государственной ренты на сумму 75 000 руб., принадлежащих монастырю, для уплаты долга по ссуде Госбанку и на покрытие расходов для окончания постройки храма [14].

Штатное духовенство в основном получало жалованье от казны, но поскольку к концу XIX в. почти все уральские монастыри стали общежительными, то должны были обеспечивать себя самостоятельно. Поэтому монастыри имели собственные источники доходов в виде платы прихожан за исполнение церковных служб или за покупку некоторых обрядовых предметов – свечей, иконок и т. п.

Лучше всего деятельность иконно-книжной лавки была развита в Верхотурском Николаевском монастыре, что можно проследить по прибыльности этой статьи дохода. В 1900 г. с просьбой к игумену Арефе настоятелю Верхотурского монастыря выступил настоятель Абалакского Знаменского монастыря Тобольской епархии иеромонах Антоний: «Посоветуйте, откуда лучше выписывать товары, книги духовно-нравственного содержания, чтобы и нам можно было последовать вашему благому примеру и послужить для пользы вверенной обители» [15]. Он выяснил, что торговля в книжной лавке Верхотурского монастыря поставлена хорошо и не требует никаких улучшений, поскольку удовлетворяет потребности богомольцев.

Источниками постоянного дохода монастырей был кружечный капитал. В основном это были средства, получаемые в результате пожертвований прихожан и сборов в «кружки», сделанные во время или после религиозной службы в храмах. Надо сказать, что доходы, полученные от кружечных и кошелековых сборов монастырей, отличались от таких же, но в общинах. Так, кружечный доход за 1911 г. у Верхтеченского Троицкого женского монастыря – 1500 руб., за этот же год у Усть-Карамбольской Покровской женской общины только 1 руб. 69 коп. [16].

Главным источником монастырских доходов с середины XIX в. стал свечной сбор. Церкви и монастыри Восточного Урала часто получали свечи через заказы из свечного завода екатеринбургского Новотихвинского монастыря, с течением времени он повышал цены на свечи. Тогда духовенство Зауральского края стало покупать свечи у частных купцов и в 1881 г. на окружном съезде открыто заявило, что с нового года оно будет приобретать свечи не в екатеринбургском монастыре, а только у купцов [17].

После этого настоятельница Новотихвинского монастыря игуменья Магдалина написала прошение епархиальному архиерею. Она просила епархиальное начальство предложить духовенству Пермской епархии, чтобы оно не уклонялось от покупки свечей из складов ее монастыря. Принимая во внимание хорошее качество свечей, изготовленных екатеринбургским женским монастырем, и его заслуги, Пермская духовная консистория рекомендовала причтам и старостам церкви Уральского края через благочинных епархии покупать восковые свечи у этого монастыря, для чего предварительно договориться с настоятельницей обители насчет цены и доставки свечей в церкви. А причты и церкви Зауральского края, т. е. уездов Екатеринбургского, Верхотурского, Ирбитского, Шадринского и Камышловского, как находящихся вблизи свечных монастырских складов, которые были в Екатеринбурге, Ирбите и Верхотурье, обязали непременно покупать свечи только у екатеринбургского монастыря, а не у купцов. В свою очередь об этом распоряжении объявили и настоятельнице екатеринбургского монастыря для того, чтобы «свечи она продавала не дорого, по такой цене, которая была бы необременительна для церквей и вознаграждала бы монастырь за выделку свеч» [17]. Благодаря этому женский монастырь укреплялся материально, и увеличивался состав населяющих его сестер.

На 1891 г. сестры екатеринбургского женского монастыря для заведования хозяйством имели жительство в различных населенных пунктах Уральского края: с 1819 г. при елизаветинской монастырской заимке, находящейся близ города Екатеринбурга; с 1837 г. на монастырском хуторе близ села Булзинское Екатеринбургского уезда; с 1882 г. на монастырском подворье в городе Ирбите; с 1885 г. на монастырском подворье в Нижнетагильском заводе Верхотурского уезда [18].

С 1897 г. духовная консистория решила оставить в епархии три свечных склада: центральный в Екатеринбурге, уездные – в Ирбите и Шадринске. В Ирбите, в целях экономии, принимали огар и рассылали запасы свечей для церквей округа и торговли ограниченным (до 100 пудов) количеством мелких сортов свечей.

Непостоянными источниками увеличения капитала монастырей Екатеринбургской епархии до 1917 г. являлись:

- 1) благотворительность – разовое частное пожертвование прихожан или местных властей;
- 2) деятельность монастыря или монашеской общины в сфере погребальных услуг;
- 3) издательская, аграрная или торгово-закупочная деятельность;
- 4) предоставление в аренду принадлежащих монастырю помещений;
- 5) доходы от производственных мастерских.

Небольшие производства имелись при всех православных монастырях, поскольку жизнь монахов протекала как в трудах, так и в молитвах. Чтобы выяс-

нить, чем занимались в мастерских, можно рассмотреть отчеты благочинного монастырей. «Все проживающие в монастыре сестры-монахини и послушницы с ревностью проходят, каждая по своей силе, разумению и способности, возлагаемые на них послушания по церкви, хозяйству обители, в трапезной, на подворье, при училище, богадельне и разных мастерских, существующих со дня основания обители и значительно усовершенствованных в последнее время». Такое описание дал благочинный одному из небольших женских монастырей Екатеринбургской епархии – Красносельскому Введенскому [19].

В начале XX в. в этом монастыре были развиты «до высокой степени» десять мастерских: 1) рукодельная (вышивка по полотну и другим материям шелками, синелью, гипюром и простой строчкой; изготовление искусственных цветов и фруктов; шитье папок, портфелей, диванных подушек, воздушных, священнических облачений, поясов для духовенства из бархата с вышивкой на всех этих предметах золотом, бисером, шелками; вязание филейных салфеток; шитье гладью кокеток, полотенец, наволочек, простыней и т. п.; стежка шерстяных и ватных одеял); 2) ткацкая (ткачество половиков, холста, шерстяных ковров, тканевых одеял. Все эти изделия и материалы окрашивались необходимыми цветами); 3) портная (шитье мужской и женской одежды на швейных машинках, как для сестер обители и окрестного духовенства, так и для крестьян); 4) чеботарная (изготовление кожаной новой обуви: сапог, ботинок, штиблет, башмаков и рабочих обуви с использованием ножных швейных машин и ремонт старой); 5) столярная (изготовление всевозможной мебели: столов, стульев, шкафов, конторок, гардеробов, кроватей, диванов, кресел, дверей, оконных рам и проч.); 6) чулочная (вязка чулок и перчаток производилась посредством вязальной машинки); 7) переплетная (переплет книг и журналов для монастыря и окрестных приходских церквей); 8) иконописная (писание икон различных размеров и всевозможных изображений); 9) шорная (изготовление новой и ремонт старой сбруи); 10) кузница (подковка лошадей, изготовление разных хозяйственных предметов и инструментов). Собственными силами сестер вырабатывался красный кирпич в монастырском кирпичном сарае [20].

При небольшом Кыртомском мужском монастыре существовали книжная лавка, кожевенный и дегтярный заводы, мастерские – пимокатная, кузница, слесарня, мукомольная мельница.

Высоко было поставлено обучение рукоделиям в екатеринбургском Новотихвинском женском монастыре. При нем было 18 мастерских (это самое большое количество среди всех монастырей епархии), на свои средства он содержал детский приют, богадельню, странноприимный дом и школу. Производством рукоделий в конце XIX в. под руководством опытейших сестер, каждая из которых в своей отрасли, было занято 106 мастериц и 61 ученица. Самыми крупными из мастерских заведений были золотошвейное, иконописное, живописное и свечное производства. В золотошвейном трудились 28 мастериц и 9 учениц, в иконописной – 5 мастериц и 10 учениц, в живописной – 14 мастериц и 14 учениц, в свечном производстве – 4 монахини работницы скут светильни, 29 послушниц и 10 учениц [21].

Послушниц этого монастыря отправляли в середине XIX в. для обучения в наиболее прославленные своими ремесленными традициями обители России. Впоследствии екатеринбургские рукодельницы обучали и насельниц других монастырей и общин епархии.

Первоначально мастерские открывались для нужд самих монашествующих. Но после того как производства, рассчитанные на частичную продажу излишков товаров, начинали приносить доход, православные обители в дальнейшем старались именно на этой деятельности специализироваться. Так, например, в екате-

ринбургском монастыре с 1828 г. начали производить кирпичи, которые были в два раза дешевле и прочнее, поэтому продавались «на сторону». Поэтому екатеринбургскому монастырю в конце XIX в. пришлось даже открыть постоянное подворье на Ирбитской ярмарке [20; 22].

А в Красносельском Введенском монастыре на продажу делали мебель и шили одежду для окрестных крестьян. Особенным спросом пользовались теплые и долговечные стеганные одеяла.

Таланты монастырских рукодельниц Верхотурского Покровского женского монастыря были отмечены в 1908 г. наградой на кустарной выставке в Нижнем Тагиле, организованной верхотурским уездным земством.

Обычно все насельницы и насельники монастырей собственными силами производили работы по хлебопашеству, сенокошению, огородничеству и садоводству. Некоторые из сестер Красносельского Введенского женского монастыря в летнее время даже занимались рыболовством на реке Нице, протекающей близко у самой обители, удили рыбу и в соседних озерах [21].

При некоторых монастырях было развито еще и пчеловодство. Так в Красносельском Введенском и Верхтеченском Троицком женских монастырях, благодаря хорошим условиям местности, в достаточной степени по современной конструкции было развито пчеловодство. А в 1912 г. игумен Пахомий приобрел и для Кыртомского монастыря от начальницы Успенской женской общины 10 ульев пчел за 170 руб., которые находились на арендованной пасеке около озера Кривого в пределах Туринского уезда вдали от монастыря [20; 22; 23].

Архивные документы показывают, что все работы по монастырскому хозяйству выполнялись насельниками монастыря – монахами и послушниками. Как правило, руководство в различных ремесленных мастерских, на производстве или в сельском хозяйстве осуществляли сами монахи, так как за долгие годы проживания в обители они овладевали необходимыми навыками трудовой деятельности, что приводило к более глубокому пониманию основ нравственно-духовной жизни обители.

Различными были и расходы православных обителей:

1) на приобретение: а) восковых свечей; б) елечей; в) ладана; г) канцелярских, почтовых и прочих принадлежностей; д) приходо-расходных и метрических книг, графопечатных листов, газет, журналов; е) материалов для иконно-книжной лавки; принадлежностей для монастырской фотографии (такая была при Верхотурском Николаевском мужском монастыре);

2) на ежегодные налоги и взносы;

3) на содержание: больницы; начальной школы при монастыре; певческого хора; приюта для детей воинов и сирот разного звания; екатеринбургского Архиерейского дома; канцелярии Духовной консистории (позднее Екатеринбургского Епархиального совета);

4) на отопление и освящение монастырских зданий; содержание зданий в чистом виде;

5) на ремонт монастырских зданий, заготовление строительных материалов (например, в Верхотурском Николаевском мужском монастыре с 1905-го по 1913 г. на постройку нового Крестовоздвиженского собора);

6) на вспомоществование, через иеромонахов и послушников, находящихся в действующей армии, Красному Кресту и на обучение детей воинов; на нужды попечительства по призрению призванных на войну и их семейств;

7) на пищевое довольствие: постоянно живущих, вольнонаемных рабочих и прислуги; на содержание стражи при монастыре;

8) на жалованье плотникам, кузнецам, слесарям; на покупку разных инструментов, материалов для мастерских монастыря; материалов для одежды и обуви,



на изготовление кирпича и содержание кирпичных сараев; на земледелие и сельское хозяйство; на содержание лошадей и рогатого скота; на приобретение экипажей, сбруи и подобного;

9) на «путевые» для настоятеля или братии монастыря, если они оправлялись в город за товаром [24].

К расходам монастыря часто относились затраты на содержание кладбища. Порой просимое под кладбище место при обители предназначалось для погребения умерших сестер или братии общины, а отчасти и для местных жителей. Так, например, в существовавшем при Каменском заводе общем кладбище, удаленном от Преображенской женской общины на 2 версты 78 сажень, имеющем пространства только 1 десятину 1800 сажень, свободного места оставалось не много. Поэтому по просьбе начальницы Преображенской общины в 1871 г. ей разрешили использовать место пространством в одну десятину с северной стороны завода близ общины под кладбище, но при условии, что это будет кладбище для всех местных жителей завода, а не только для сестер, которые должны содержать его [25].

При подсчете расходов за год в церковных книгах всегда указывался остаток денег, чтобы выяснить, существует ли дефицит в денежных средствах. Так, за рассматриваемый период времени (с 1885-го по 1917 г.) дефицита казны не отмечалось у Верхотурского Николаевского монастыря. Монастырские власти достаточно умело сохраняли денежный баланс. Так, если сокращался приход средств, то уменьшался и расход. В рассматриваемый период времени для многих крупных монастырей Екатеринбургской епархии стало возможным дальнейшее накопление денежных сумм.

Наиболее крупными в хозяйственном отношении, состоятельными в экономическом плане и влиятельными по своему положению в Екатеринбургской епархии с середины XIX по начало XX в. были два монастыря – Новотихвинский женский в Екатеринбурге и Верхотурский Николаевский мужской. Но более богатым и состоятельным, а самое главное, независимым в финансовых вопросах, был только один – Верхотурский мужской монастырь. Отчасти благодаря умелой организаторской деятельности последнего настоятеля – архимандрита Ксенофонта, постоянному коллективу – содружеству монашествующих, давней истории обители, ее благоустроенности, более длительному времени хозяйствования и накопления капитала, но также и за счет постоянного паломничества, стечения богомольцев (до нескольких десятков тысяч человек) к святым мощам Симеона Праведного [26]. Поэтому только этот монастырь на Урале приобрел общероссийскую известность.

Итак, мы рассмотрели источники доходов и статьи расходов монастырей Восточного Урала, что позволяет утверждать: источники доходов и способы их извлечения соответствовали нравственным началам и основам иноческой жизни, трудовая деятельность общежительных монастырей сплачивала и объединяла монашескую братию, что привело к бесперебойной деятельности этих обителей. Общежительные монастыри, появившиеся в конце XIX – начале XX в., в основном существовали уже не за счет подаяния, а опирались на собственную хозяйственную деятельность, что привело к образованию стабильной монашеской корпорации, за счет чего многие крупные монастыри богатели и имели большое влияние.

Поскольку в наши дни происходит возрождение православных обителей, а в основе их деятельности по-прежнему значим нравственный аспект хозяйственной деятельности, то следует учитывать опыт прошлого. «Одним из оснований устойчивости исторического сознания выступает ментальность, которая складывается исторически как одна из адаптивных форм социального поведения и функционирует автоматически, без ведома их носителей» [27. С. 57]. Кроме того, рассмотренные нами направления и формы благотворительности могут послужить ориен-

тиром для развития современных моделей благотворительности так необходимой нашему обществу.

### Литература

1. Донцов А. И., Перельгина Е. Б. Проблемы безопасности коммуникативных стратегий // Вестник Московского университета. – Серия 14 : Психология. – 2011. – № 4.
2. Андреева Е. В. Монастыри Екатеринбургской епархии: административно-экономическое и социально-культурное развитие (1861–1935 гг.) : автореф. дис. канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2006.
3. Постановление Всероссийского съезда представителей от монастырей, бывшего в Свято-Троицкой Сергиевой лавре с 16 по 23 июля 1917 г. – М., 1917.
4. ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 49. Лл. 246об-247.
5. Устав духовных консисторий. – СПб., 1883.
6. ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 597. Л. 351.
7. Игумен Иннокентий (Павлов). Правовой статус церковной собственности согласно церковной традиции и канонам РПЦ // Вопросы экономики. – 1994. – № 9.
8. Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1915 г. – Екатеринбург, 1915.
9. ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 47. Лл. 114–115.
10. ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 183. Л. 54.
11. Денисов Л. Православные монастыри Российской империи. – М., 1908. – С. 660–665.
12. ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 47. Л. 56.
13. ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 48. Лл. 279об-280.
14. ГАСО. Ф. р-2788. Оп. 1. Д. 152. Лл. 24–25.
15. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 602. Лл. 229–230.
16. РГИА. Ф. 206. Оп. 1. Д. 1. Лл. 116–117об. ; Д. 74. Лл. 27–31 ; Д. 42. Л. 37об. ; Д. 42. Л. 47об.
17. ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 642. Л. 17.
18. ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 48. Лл. 190об–191.
19. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 346. Лл. 39об–41 об.
20. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 559. Л. 108об.
21. Монастырский благовест. – 1997. – № 4. – С. 5.
22. РГИА. Ф. 206. Оп. 1. Д. 83. Л. 7об.
23. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 730. Л. 32об.
24. ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 442, 454, 595.
25. ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 554. Лл. 10–11.
26. Мясникова Л. А. Религиозное и светское паломничество: ритуал и практика // Л. А. Мясникова, Е. А. Калужникова, Е. В. Андреева. Паломничество в Екатеринбургской епархии: история и современность : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2008. – Гл. III. – С. 103–149.
27. Донцов А. И., Перельгина Е. Б. Социальная стабильность: от психологии до политики : монография. – М. : Эксмо, 2011. – 544 с.